

Бай Ичэнь проснулся от едкого кухонного чада.

Первым делом, еще толком не открыв глаза, он подумал вовсе не о том, почему оказался в кровати, а не на диване. Его, человека с многолетним опытом работы на ресторанных кухнях, сумел вышибить из сна обычный запах гари — это ж как нужно было постараться? Старший брат Ань там что, решил кухню спалить?

Бай Ичэнь сладко потянулся и с нескрываемым удовольствием зарылся лицом в подушку. Ему редко выпадал шанс поваляться в постели. Раньше он часто слышал, что самый приятный сон — тот, в который проваливаешься на рассвете после первого пробуждения, но самому попробовать никак не доводилось. Что ж, сегодня он это исправит!

Твердо решив поспать еще немного, Ичэнь натянул одеяло до самого подбородка и перед тем, как окончательно закрыть глаза, мельком глянул на плотно задернутые шторы.

«Солнца не видно... наверное, часов восемь или девять. Посплю еще!» — решил он.

В это время Ань Но стоял на кухне, преисполненный чувства триумфа.

А ведь яичный рис удался на славу! Если не считать того, что сковорода слишком раскалилась и лук слегка обуглился, соли вышло многовато, а рис из-за долгой обжарки стал подозрительно напоминать дробленый гранит — в остальном всё было идеально. Крупинки остались белыми, а яйцо — желтым.

Любуясь результатом, Ань Но поставил чайник, намереваясь приготовить свой коронный «фирменный суп» — обычный кипяток с соевым соусом. Без морской капусты, сушеных креветок и свежей зелени вкус, конечно, будет не тот, но это не мешало капитану во всю мощь легких проорать в сторону спальни, чтобы Бай Ичэнь немедленно «выметался» из постели завтракать и пить лекарства.

Ичэнь действительно выкатился. Как раз в тот момент, когда он пытался поплотнее закутаться в одеяло, над самым ухом громом небесным прогремел голос Ань Но. От неожиданности парень дернулся, запутался в складках и кубарем рухнул на пол, напоминая гигантский весенний ролл.

Кое-как высвободившись из кокона, Бай Ичэнь некоторое время сидел на полу. Он пытался вспомнить, когда именно Ань Но перенес его в кровать, но память наотрез отказывалась выдавать подробности. Впрочем, вставать не хотелось. Сидя на полу в лучах тусклого света, пробивавшегося сквозь щели в шторах, он замер в оцепенении.

Разве не об этом он всегда мечтал? Просыпаться, когда захочется, знать, что близкий человек готовит для тебя еду — пусть и не самую изысканную, — чувствовать чью-то заботу... Кто-то беспокоится, удобно ли тебе на диване, не голоден ли ты, не забыл ли выпить таблетки. Тебе не нужно ни о чем переживать, ни о чем заботиться. Ты просто восемнадцатилетний мальчишка,

о котором есть кому позаботиться.

Бай Ичэнь заставил себя не двигаться.

«Сиди так, — твердил он себе. — Жди, пока он придет и позовет снова. Вот она — нормальная жизнь».

Ань Но не заставил себя ждать. Он ворвался в спальню, размахивая перепачканными в масле руками, и, увидев сидящего на полу парня, легонько подтолкнул его носком ботинка:

— А ну подъем! Живо, не то сам будешь белье стирать!

Бай Ичэнь поднялся. На нем была огромная футболка Ань Но, и сам он теперь пах точно так же, как хозяин квартиры. Между ними внезапно возникло то странное, едва уловимое чувство неловкости, от которого атмосфера в комнате мгновенно стала тяжелой.

На самом деле обоим в голову пришла одна и та же мысль: одеяло!

Постель Бай Ичэня так и осталась сохнуть на крыше. Вчера они уходили в такой спешке, что никто и не вспомнил о вещах. За ночь роса наверняка пропитала всё насквозь, и если не снять белье до захода солнца, то сегодня...

— Еда, еда! Я проголодался! — Бай Ичэнь едва ли не строевым шагом направился в ванную, всячески стараясь отогнать лишние мысли.

Ань Но посмотрел ему вслед, прищурился и понимающе улыбнулся.

Чуть позже, сидя за столом, Бай Ичэнь с усмешкой спросил, почему это в их доме завтракают жареным рисом в такую рань. Ань Но, с видом человека, чей мир только что рухнул, посмотрел на него:

— Какой завтрак? Это обед, Ичэнь! Обед! Сейчас половина первого дня.

Капитан и представить не мог, что парень окажется таким соней. Всего одна таблетка снотворного, а он проспал полных двенадцать часов. Теперь Ань Но окончательно убедился, что подозрения Ся Цзинхуэя беспочвенны — ни один зависимый не провалится в такую глубокую спячку от обычной дозы снотворного. Парень спал так крепко, что Ань Но всерьез подумывал плеснуть в него водой.

— Половина первого?! — вскрикнул Ичэнь.

Годы подработок приучили его к строгому графику. Обычно в это время он уже вовсю трудился в Ресторане домашней кухни Цзюсян.

— Старший брат Ань, — парень принял серьезный вид, — признавайся, ты мне что-то подмешал? Решил покуситься на мою честь, пока я в отключке?

Ань Но поймал себя на мысли, что к любым странностям можно привыкнуть. Как говорил Юй Дай: «Нужно уметь верить в совпадения». Бай Ичэнь двумя короткими вопросами попал не просто в бровь, а в самый глаз. Ведь Ань Но действительно подмешал ему лекарство и действительно имел на него виды. Но, несмотря на пугающую проницательность мальчишки, капитан сохранил ледяное спокойствие.

— Как ты догадался? Две таблетки снотворного всыпал.

— Ого. И какие же коварные замыслы ты собирался осуществить? — Бай Ичэнь отправил в рот ложку риса. Тот оказался на удивление съедобным.

— А ты как думаешь? Есть у тебя что-то, на что стоило бы покушаться?

— Ну да, — Ичэнь изобразил крайний ужас и картинно прижал руки к вороту футболки, разве что «помогите» не крикнул. — Я ведь беден как церковная мышь. Неужто ты решил соблазнить меня моей красотой?

— В точку, — Ань Но жевал, на автомате поддерживая привычную шутливую перепалку. — Именно так: ты настолько хорош собой, что глаз не оторвать. Грех было не воспользоваться.

Бай Ичэнь замолчал. Он почувствовал, как разговор свернул куда-то не туда. Вроде бы обычный мужской треп на грани фола, но в воздухе повисло нечто странное. Ань Но тоже притих. Ему стало не по себе — казалось, в шутливых словах проскользнуло слишком много правды, и эта двусмысленность больно резала слух.

В Ань Но вдруг вспыхнул порыв: отложить палочки, посмотреть Ичэню прямо в глаза и сказать: «Бай Ичэнь, я серьезно. Ты мне нравишься. По-настоящему, как мужчина нравится мужчине». Это желание зудело внутри, вызывая раздражение. Ему до смерти надоела эта тупая боль, словно его режут тупым ножом. Захотелось покончить со всем прямо здесь, за этим обеденным столом!

Но едва Ань Но собрался открыть рот, Бай Ичэнь замер. Он покосился на большую чашку с мутной черной жидкостью, которую Ань Но гордо именовал «супом», и решительно отвернулся, делая вид, что ничего не заметил. С трудом проглотив суховатый рис, он спросил:

— Старший брат Ань, может, продолжим после обеда смотреть кино?

Слово «дом», прозвучавшее в контексте «дома», заставило сердце Ань Но пропустить удар. Вспыхнувшее было раздражение мгновенно смыло волной нежности. Ему хотелось ответить «конечно», но...

— После обеда нам нужно выйти. Поедем в торговый центр, купим кое-какие вещи, — Ань Но заставил себя придерживаться вчерашнего плана.

Ичэнь нахмурился. Он прекрасно понял, к чему клонит капитан. Бай Ичэнь не был из тех щепетильных натур, которые начинают кричать: «Как я могу тратить твои деньги?!» или «У меня есть свои, мне не нужно!». Он не собирался ныть о том, что его достоинство задето. Перед лицом выживания понятие «самоуважение» кажется непозволительной роскошью. Хотя у него и были некоторые сбережения, трогать их нельзя ни при каких обстоятельствах. Чтобы спокойно перезимовать, глупо отказываться от помощи. Разумеется, Ичэнь понимал: приняв помощь, он обязан будет отплатить тем же.

Проблема была лишь в одном — как именно отплатить. То, что он называл Ань Но «братом», вовсе не давало ему права беззастенчиво пользоваться его добротой.

— Старший брат... ты ведь хочешь мне что-то купить? — Ичэнь решил, что лучше прояснить всё сразу. Глупо строить из себя удивленную невинность, уже стоя у кассы.

— Да. В твоей конуре жить невозможно! — голос Ань Но прозвучал властно и не терпящим возражений тоном. Он обожал эту черту в Ичэне — прямоту и отсутствие ложной скромности.

— Старший брат Ань... — Бай Ичэнь замялся. Он мог бы встать в позу, выдать парочку высокопарных фраз о том, что «благородный муж не принимает подачек». Но в этом не было смысла. Он с детства знал, как извлекать выгоду, не нарушая своих принципов.

Однако на этот раз он колебался. Подсознательно ему не хотелось принимать подарки. Казалось, это разрушит их равенство, сделает отношения сложнее. Точно так же он поначалу не хотел, чтобы капитан видел его жилище: Бай Ичэню претила сама мысль о том, что Ань Но будет его жалеть. Ему не хотелось чувствовать себя вечным должником.

С того самого момента, как он стоял у входа в «Пылающее искушение» и дерзко бросал в лицо офицеру свое «Ты, парень», они — несмотря на разницу в семь лет, противоположное воспитание и статус — стояли на одной ступени. Равные в своей гордости и упрямстве.

Ань Но постучал палочками по краю тарелки:

— Ладно, я знаю, о чем ты думаешь. Раз ты зовешь меня братом, то и я считаю тебя младшим братом. Неужели это ненормально — купить что-то близкому человеку? — Он взмахнул рукой, пресекая возражения. — Если так хочешь меня отблагодарить — просто будь ко мне добр. А когда разбогатеешь, не забудь старика.

Ичэнь склонил голову набок. Он понимал, что новый комплект постели сейчас для него — спасение. Возможно, ему даже не придется менять жилье, а это экономия почти тысячи юаней в месяц. Для него это — расходы на еду за целый месяц учебы, или приличный чертежный стол, или ноутбук, на который можно накопить за зиму... Его мозг работал как калькулятор. Он никогда не скрывал своей практичности и даже гордился ею — именно она помогла ему выжить.

«Старший брат... я благодарен, но...» — внутри Ичэня шла нешуточная борьба. Рассудок требовал согласиться, но какое-то странное, колючее чувство мешало открыть рот. Ему было обидно, почти больно, и это чувство жгучего стыда не проходило. Ему казалось, что, приняв помощь, он навсегда потеряет право стоять плечом к плечу с Ань Но как равный.

— Да брось, Сяо Бай. Ничего постыдного тут нет. У тебя есть нужда, у меня — возможность и желание помочь. Мне ты просто нравишься, и никакой благотворительностью здесь не пахнет. Я ведь не похож на мецената, верно? — Ань Но подмигнул и хитро улыбнулся. — К тому же, ты спас мне жизнь! Помнишь? А за такое спасение полагается отплатить собой!

У Бай Ичэня с души словно камень свалился. В груди разлилась легкость.

— Точно, я ведь жизнь тебе спас! — Он весело прищурился, бесконечно благодарный Ань Но за чуткость, но вслух заявил: — А еще я кормил тебя той потрясающей лапшой, так что ты у меня в долгу по уши! Придется тебе всю жизнь отрабатывать!

— Бай Ичэнь, побойся бога! За лапшу платила А-по! — Ань Но не удержался и снова взъерошил волосы парня. Он понял, что этот жест стал для него зависимостью.

— Так это она только ради меня расщедрилась! — Ичэнь гордо вскинул подбородок и залился довольным смехом. — Теперь ты до конца дней мой! Будешь долги возвращать, ха-ха-ха!

Ань Но убрал руку и молча посмотрел на смеющегося мальчишку.

«Да, — подумал он. — Я до конца дней буду твоим».

Бай Ичэнь продолжал смеяться, но про себя пообещал:

«Старший брат Ань, за всё, что ты для меня делаешь... я обязательно тебе отплачу. Всю жизнь буду отдавать».